

И.А. Овчинина

Большов Самсон Силыч

Центральный персонаж пьесы А.Н. Островского «Свои люди — сочтемся!». Купец. Имеет дом и лавки. О прошлом Большова от Устиньи Наумовны известно лишь то, что начало его коммерческой деятельности было вполне скромным: «...голицами торговал на Балчуге; добрые люди Самсошкою звали, подзатыльниками кормили». Об остальном можно догадаться: постепенно, прикладывая копейку к копейке, собрал капитал, завел свое дело, разбогател благодаря хватке, смелости и умению мошенничать. В пьесе он показан как один из самых богатых купцов Москвы, который добился заметных успехов в торговом деле и пользуется в своих кругах доверием (его кредиторы — «все люди богатые») и уважением. Та же Устинья Наумовна свидетельствует: «Да уж кого ни спроси, всякий скажет, что Самсон Силыч купец богатейший». Правда, из разговора с Подхалюзиним в 1-м действии видно, каковы приемы, которыми пользуются в лавках Большова, обманывая покупателей, что, по мнению Самсона Силыча, вполне естественно («Все единственно: ведь портной украдет же»).

Большов живет по принципу: уж если что в руки попало, не упускай, «не плошай». Нажив богатство, Большов не освободился от дикости и хамства. Со всеми, кто ниже его, он разговаривает безапелляционно, грубо, резко. Сама торговля ему поднадоела, поэтому все дела Большов поручил приказчику Подхалюзину, которого он поощряет за откровенное надувательство, с удивительным простодушием признается: «Чай, брат, знаешь, как немцы в магазинах наших бар обирают. Положим, что мы не немцы, а христиане православные, да тоже пироги-то с начинкой едим».

Но все же Большов почувствовал, что наступили новые времена, когда на одном обмане далеко не уедешь. В сущности, он прав, когда рисует ту обстановку, что сложилась в коммерческой среде. Жалуясь Подхалюзину на тяготы торгового дела, он останавливается на том, как рискует купец быть обманутым другими купцами: «На-ко, говорит, вексель. А по векселю-то с иных что возьмешь! Вот у меня есть заваливших тысяч на сто, и с протестами; только и дела, что каждый год подкладывай. ...Должников-то по ним, чай, и с собаками не сыщешь: которые повымерли, а которые поразбежались, некого и в яму посадить. А и посадишь-то... так и сам не рад: другой так обдержится, что его оттедова куревом не выкуришь». Оказывается, накладно бывает и требовать уплаты по векселю: «И на дисконту отдашь, так проценты слупят, что в животе забурчит, да еще после своим добром отвечай». Стал сложным делом и сбыт товара в условиях растущей конкуренции: «Здесьним торговцам лучше не показывай: в любой анбар взойдет, только и дела, что нюхает, поковыряет, поковыряет да и прочь пойдет... На торги хошь не являйся: сбивают цены пуще черт знает чего; а наденешь хомут — да еще и вязку подай, да магарычи, да угощенья, да разные там недочеты с провесами».

В 1840-х годах в России заметно участились случаи ложных банкротств. Газеты пестрели объявлениями о несостоятельности купцов, и Большов искренне возмущается: «Да что они, сговорились, что ли?» Он не на шутку испугался, как бы его не обошли другие, его должники, объявив о своем банкротстве, — тогда он потеряет часть денег. Он сам уже задумывал путем мошеннической операции одним махом увеличить состояние, в чем и признается Подхалюзину: «По мне, Лазарь, теперь самое настоящее время: денег наличных у нас довольно, векселям всем сроки подошли. Чего ж ждать-то? Дождешься, пожалуй, что какой-нибудь свой же брат, собачий сын, оберет тебя дочиста, а там, глядишь, сделает сделку по гривне за рубль, да и сидит в миллионе, и плевать на тебя не хочет. А ты, честный-то торговец, и смотри да казись, хлопай глазами-то. Вот я и ду-

маю, Лазарь, предложить кредиторам-то такую статью: не возьмут ли они у меня копеек по двадцати пяти за рубль».

Большов вдохновляется этой идеей, которая стала частью его неукротимой природы, смыслом жизни, побуждающей его на решительные действия: «Черта ли там по грошам-то наживать! Махну сразу, да и шабаш. Только напусти Бог смелости». Эта мысль настолько им овладела, что он уже физически не в состоянии расстаться с замыслом сделать самый яркий, самый смелый, самый результативный шаг в своей жизни. «Что же, деньги заплатить? ...Да я лучше все огнем сожгу, а уж им ни копейки не дам. Перевози товар, продавай векселя, пусть тащут, воруют, кто хочет, а я уж не плательщик».

И все же Большов не намерен рисковать на авось. Он постарался подготовить дело таким образом, чтобы никакой закон не мог его уличить в злостном банкротстве. Поэтому он обращается к стряпчему Рисположенскому, который хорошо знает, какую и как надобно «механику подсмолить».

Для успешного осуществления аферы Большов решил все имущество перевести на «своего человека», какового он видел только в лице Подхалюзина. За чистую монету принял Большов лицемерные заверения приказчика в искренней преданности, так как был абсолютно уверен в своей несокрушимости и постоянной власти над людьми. Кстати, банкротство для Большова — это не только возможность получить изрядный куш для того, чтобы обеспечить безбедную старость, не только проявление самодурства, но и сознательный отход от коммерции, в которой он себя исчерпал и которая не доставляет ему никакого удовольствия, он уже добился того, к чему долгие годы стремился. «Проклажались бы мы лежа на боку, и торговлю всю эту к черту», — размечтался он при Подхалюзине.

И уж совсем в «своего человека» превращает Большова Подхалюзина, отдавая за него дочь. В этой ситуации все возражения Липочки отец отмечает в свойственной ему манере: «Захотел выдать дочь за приказчика, и поставлю на своем, и разговаривать не смей; я и знать никого не хочу». Семья Большова — типичная патриархальная купеческая семья, где абсолютная власть принадлежит хозяину дома. Недаром его с почтением и страхом зовут «Сам». «Сам-то что-то из городу не едет, все под страхом ходим; того и гляди, пьяный приедет. А уж какой благой-то, Господи! Зародится же ведь эдакой озорник!» — сетует ключница Фоминишна. В этой семье нередки проявления дикости и самодурства: Большов с домашними суров, нередко с ними воюет, озорничает, «посуду колотит», женщинам достается испытывать на своей голове его нрав. Вездесущая Устинья Наумовна испытывает перед ним робость, когда характеризует его в разговоре с Подхалюзиним, уговаривающим ее расстроить свадьбу Олимпиады Самсоновны с благородным женихом: «Ведь ты сам знаешь, каков у нас чадечко, Самсон-то Силыч, ведь он, не ровен час, и чепчик помнет».

В Подхалюзине Большов уверен настолько, что доверил ему и свое состояние, и свою судьбу, увидев в нем родственную душу. «Кабы я тебя не любил, нешто бы я так с тобой разговаривал? Понимаешь ли ты, что я могу на всю жизнь счастливым тебя сделать! Всю жизнь могу тебе даровать». Он рассчитывал на полное послушание зятя, когда давал ему наказ: «Только ты смотри — им много-то не давай. А то, чай, рад сдуру-то все отдать... Ты им больше десяти копеек не давай. Будет с них».

В результате Большов оказался обманутым еще большим плутом. Он не сразу понял, как ловко обставил его зять. Ему пришлось узнать, каково сидеть в долговой тюрьме, испытать унижение, идя по городу в сопровождении солдата. Сначала его поразило безразличие дочери к его положению («Не бог знает что случилось... Сидят, тятенька, и лучшие нас с вами»), и он не может скрыть своей тревоги и стыда: «Ведь меня сорок лет в городе-то все знают, сорок лет в пояс кланялись, а теперь мальчишки пальцами показывают». Чтобы скорее избавиться от позора и унижения, он готов заплатить кредиторам по двадцати пяти копеек, сумму, на которую они согласились. Но в ответ

услышал решительный отказ зятя: «Десять копеек, извольте, дам-с, как говорили». Поначалу Большов еще пытается говорить как хозяин положения: «Что вы! Что вы! Опомнитесь! Ведь я у вас не милостыню прошу, свое же добро». Затем начинает упрекать Подхалюзина в неблагодарности: «Я тебя сделал главным приказчиком, тебе я все свое состояние отдал и дочь-то своими руками. А не случись со мною этого попущения, ты бы на нее и глядеть-то не смел».

Настоящее потрясение испытывает Большов, когда понимает, что дочь и зять его предали. Тут-то он вспомнил и о совести, и о грехе, и об Иудином предательстве. Он знает, что совершил тягчайшее преступление, и напоминает молодым, какова цена их нынешнего благополучия: «Ведь я злостный — умышленный... Ведь меня в Сибирь сошлют. Господи! Коли так не дадите денег, дайте Христа ради».

Он осознал, что теперь сила — это Подхалюзин, а не он, Большов, доселе всех державший в страхе и повиновении. Страдает он не оттого, что совершил безнравственный поступок, а оттого, что его надул недавний мальчишка, находившийся у него в услужении, что он, Самсон Силыч Большов, позволил себя обвести вокруг пальца, что так жестоко обманулся, положившись на «своих людей». «Сама себя раба бьет, коли не чисто жнет» — это вывод не раскаявшегося грешника, а обманутого плута.

Проникнувшись жалостью к самому себе, Большов заговорил о страдальцах — заключенных. Из его лексикона ушли грубые слова, оставлен бесцеремонный тон. В финале звучат слова страдающего и обреченного человека. «Прощай, дочка! Прощайте, Алимпияда Самсоновна. Ну, вот вы теперь будете богаты, заживете по-барски... А не забудьте вы, Алимпияда Самсоновна, что есть клетки с железными решетками, сидят там бедные заключенные. Не забудьте нас, бедных заключенных».